

Д. В. Любин

**«Военная дружба» с Пруссией
в отечественном искусстве 1820–1850-х годов.
К истории русско-немецких художественных
связей в эпоху Николая I**

В статье рассмотрен феномен так называемой военной дружбы между Российской империей и Прусским королевством, сформировавшийся в постнаполеоновскую эпоху и просуществовавший почти до Крымской войны. Он проявился не только в сфере внешней политики, но и в культуре, нашел широкое отражение в пластических искусствах, им обусловлены содержание и внешний облик многих официальных памятников в эпоху Николая I. Эти памятники разнообразны: и храмы, и воинские монументы, и фигуративная скульптура. В случае сакральных построек и отчасти воинских монументов чрезвычайно важную роль сыграл тщательно подобранный «национальный» стиль: готический в Пруссии (он нашел отражение в проектах К.-Ф. Шинкеля) и русский в России (храм Христа Спасителя, памятники на полях сражений Отечественной войны 1812 г. и в Польше). Характерная черта многих памятников той эпохи заключается в их определенной содержательной и формальной схожести, внутренней связи с немецкими, прежде всего прусскими и в меньшей степени баварскими, памятниками. Это было обусловлено личными отношениями российского императора с прусским королевским двором и его глубочайшим уважением к памяти русско-прусского союза. При этом Николай I, впитав немецкие идеи, реализовал их с большим размахом, соответствовавшим роли России на мировой арене – и по смыслу, и с точки зрения географии установки монументов, распространив их впоследствии на территорию усмиренной Польши. Содержательная и внешняя схожесть русских и прусских военных памятников служит одним из ярких примеров культурных связей между странами в николаевскую эпоху.

Ключевые слова: русское искусство второй четверти XIX в.; искусство Пруссии 1820–1850-х г.; русско-немецкие художественные связи; политика Николая I в области искусства

Любин Дмитрий Владимирович

Государственный Эрмитаж.

Заведующий отделом «Арсенал».

Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина.

Профессор кафедры зарубежного искусства.

Доктор искусствоведения, доцент.

190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34.

E-mail: d.lyubin@gmail.com

Dmitry Lyubin

**“Military Friendship” with Prussia
in Russian Art of the 1820–1850s.**

**On the History of Russian-German Artistic Relations
in the Era of Nicholas I**

The article examines the phenomenon of the so-called “military friendship” between the Russian Empire and the Kingdom of Prussia, which formed in the post-Napoleonic era and lasted almost until the Crimean War. It manifested itself not only in the sphere of foreign policy, but also in culture, was widely reflected in the plastic arts, it determined the content and appearance of many official monuments in the era of Nicholas I. These monuments are diverse - these are temples, military monuments, and figurative sculpture. In the case of sacred buildings and partly military monuments, a carefully selected “national” style played an extremely important role: Gothic in Prussia (it was reflected in the projects of K.F. Schinkel) and Russian in Russia (Cathedral of Christ the Savior, monuments in the fields battles of the Patriotic War of 1812 and in Poland). A characteristic feature of many monuments of that era is their certain content and formal similarity, internal connection with German, primarily Prussian and, to a lesser extent, Bavarian monuments. This was due to the personal relations of the Russian emperor with the Prussian royal court and his deepest respect for the memory of the Russian-Prussian alliance. At the same time, Nicholas I, having absorbed German ideas, implemented them on a large scale, corresponding to the role of Russia on the world stage – both in meaning and also in terms of the geography of the installation of monuments, subsequently spreading it to the territory of pacified Poland. The substantive and external similarity of Russian and Prussian military monuments serves as one of the striking examples of cultural ties between countries in the Nicholas era.

Keywords: Russian art of the second quarter of the 19th century; art of Prussia 1820–1850s; Russian-German artistic connections; policy of Nicholas I in the field of art

Lyubin Dmitry

The State Hermitage Museum.

Head of “Arsenal” Department.

St Petersburg Repin Academy of Fine Arts.

Professor of the Department of Foreign Art.

Doctor of Sciences in Art History, Associate Professor.

Russia, 190000, St Petersburg, Dvortsovaya nab., 34.

E-mail: d.lyubin@gmail.com

Многие военно-мемориальные проекты, реализованные в России при Николае I, обнаруживают чрезвычайно интересную общую черту. Они несут явный отпечаток, скажем так, пристального внимания их высочайшего заказчика к аналогичным немецким, главным образом прусским, памятникам, созданным несколько ранее – в первой четверти XIX в. Эта тема заслуживает особого

внимания, поскольку русско-прусский диалог в области искусства в годы царствования Николая I был очень интенсивным и многообразным, а роль немецких художников в работе над заказами императора чрезвычайно высока. Н. Н. Врангель совершенно справедливо писал впоследствии о том, что «в царствование Николая Павловича столь же властно, как и в XVIII веке... покоряет нас... немецкая культура» [1, с. 7].

Интерес российского монарха именно к прусским военно-мемориальным проектам объясняется его особенным отношением и лично к Фридриху-Вильгельму III¹, и к Пруссии – своему ближайшему союзнику, но более всего сформировавшимся еще в молодые годы глубоким уважением к русско-прусскому боевому братству 1813–1814 гг. По словам С. С. Татищева, «мысль о братстве и товариществе по оружию армий русской и прусской была заветною мечтою императора Николая. Он любил переноситься ко временам общей их борьбы и всячески старался поддерживать в них предания этой славной эпохи» [8, с. 256–257]. Союзнические отношения двух стран на поле боя трансформировались со временем в такие же отношения в области искусства, призванного увековечить славную эпоху борьбы и победы. Важное значение имел и профессиональный интерес императора, преданного военному делу «душой и телом», к прусской армии.

Этот интерес был совершенно естественным. Как писал Татищев, «не подлежит сомнению, что связь, устанавливающаяся между союзными войсками на поле общего сражения, является связью действительною, скрепленною совместно одержанным успехом или общею неудачею, а потому и содействующею сближению государей, правителей и народов» [8, с. 326]. Борьба с Наполеоном накрепко спаяла Россию и Пруссию. В годы, когда рос великий князь Николай Павлович, когда формировался его характер и мировоззрение, сложился военный союз двух стран, который со временем превратился в настоящее воинское братство, «военную дружбу». В 1812 г. Фридрих-Вильгельм III, «уступая непреодолимой силе», вынужденно выставил корпус против России. Но уже в 1813 г. русские полки освобождали Германию от французов. Затем русские

и пруссаки не раз сражались плечом к плечу, причем нередко под началом одного полководца². В августе 1814 г. императорские войска, возвращаясь домой из Франции, прошли через Берлин. Вдоль его главной улицы, Унтер-ден-Линден, стояли накрытые столы. За ними вперемешку сидели прусские и русские солдаты, празднуя общую победу. В королевском дворце был дан обед для офицеров. После завершения войн с Францией император Александр I в развитие идеи военного братства даже высказал мысль, скорее идею, не лишенную романтических ноток, нежели реальное предложение, что армии России, Пруссии и Австрии могли бы стать общей, единой армией «правого дела».

Политические и военные связи России и Пруссии в эпоху Александра I и Фридриха-Вильгельма III были основаны на личной симпатии правителей. В 1813 г., едва смолкли пушки на поле Битвы народов под Лейпцигом, два государя задумали укрепить политический и военный союз родственными узами. Несколько месяцами позже в Берлине великий князь Николай Павлович познакомился с дочерью прусского короля Шарлоттой-Фредерикой-Луизой-Вильгельминой. Молодые люди понравились друг другу. Объявление об их помолвке было сделано в Берлине 23 октября (4 ноября) 1815 г., когда русские войска через Пруссию возвращались домой. В назначенный день в Берлине торжественно встречали Санкт-Петербургский гренадерский полк, чьим шефом был Фридрих-Вильгельм III. Тема военного братства двух стран и их армий служила красивыми кулисами для торжественного семейного события – во время обеда в королевском дворце монархи-союзники провозгласили об объединении своих семей.

В 1817 г. произошло событие, чрезвычайно важное для Николая Павловича: Фридрих-Вильгельм III назначил будущего зятя шефом 3-го Бранденбургского кирасирского полка³. Момент передачи полка запечатлен в картине Ф. Крюгера «Парад в Потсдаме» (1849, Берлин, Национальная галерея)⁴. С этого времени полк стал носить имя своего шефа. В этом нашла продолжение почетная традиция шефства монархов над полками дружественных армий, которая стала одним из символов союза России, Австрии и Пруссии после

победы над Наполеоном. В октябре 1814 г. в каждой армии было выбрано по два полка, шефами которых стали союзные правители⁵. В русской армии ими стали grenадерские Кексгольмский и Санкт-Петербургский полки⁶, переименованные соответственно в Его величества императора австрийского grenадерский и Его величества короля прусского grenадерский. Аналогичная практика существовала и в союзных армиях. В октябре 1814 г. император Александр I стал шефом 1-го Гренадерского полка прусской армии (шефом 2-го Гренадерского полка стал австрийский император Франц I)⁷. Почетная традиция существовала до Первой мировой войны⁸.

Император Николай I проявлял поистине отеческую заботу о своем полке. Он проводил смотры, наблюдал за действиями полка на маневрах, лично награждал отличившихся. В 1842 г. он учредил медаль в память четвертьвекового юбилея своего шефства⁹. Помимо этого, к юбилею полка Николай I повелел отчеканить так называемые кирасир-талеры – серебряные медали с памятной надписью для раздачи гарнизону Бранденбурга.

Внимание императора к прусской армии не ограничивалось памятью о совместной борьбе с Наполеоном, рамками традиции почетного шефства и добрым личным отношением к одному из королевских полков. В практическом смысле предназначение союза России и Пруссии Николай I видел в том, чтобы сохранять сложившуюся после Венского конгресса расстановку политических сил в Европе. Свою армию он называл надежным резервом королевской армии и был убежден, что в случае необходимости русские и прусские войска, как и прежде, плечом к плечу выступят против общей опасности. Такой опасностью были революции. В 1830 г. царь предлагал своему тестю готовиться к совместным действиям против короля французов Луи-Филиппа ввиду обстоятельств восшествия того на престол. Восстание в царстве Польском отвлекло внимание Николая от этого плана. В пору обострения отношений между Австрией и Францией в 1832 г. царь высказал мысль о соединении русской и прусской армий, их гвардейских корпусов, «чтобы доказать этим тесную дружбу, связывавшую обоих монархов» [8, с. 338].

Русско-прусский союз, к счастью, нашел тогда подтверждение не на поле брани, а в мирных обстоятельствах – в совместных маневрах, парадах и т. д. 30 августа 1834 г. в параде по случаю открытия Александровской колонны в Санкт-Петербурге принял участие небольшой сводный прусский отряд. Он состоял из чинов гвардии (сохранилось подробное описание, как именно они были отобраны¹⁰), а также 6-го Бранденбургского кирасирского полка, шефом которого был Николай I. Король Фридрих-Вильгельм III лично провел смотр «депутации» перед отправлением в Санкт-Петербург, а доставил их в российскую столицу русский военный пароход «Александр»: символический смысл отправления отряда был продуман с обеих сторон до мелочей! В письме Николаю I прусский король назвал отряд представителем всей своей армии, которая гордится памятью о братском союзе с русской армией.

Это представительство было немногочисленным: всего 18 офицеров и 38 нижних чинов. Командовал отрядом принц Вильгельм. В организации участия прусских офицеров и солдат в торжественном параде император воплотил идею выступления двух армий плечом к плечу: он распределил их по русским полкам в строгом соответствии со старшинством и родом оружия. В одном строю с преображенцами по Дворцовой площади прошли чины 1-го Прусского гвардейского пехотного полка, вместе двигались русские и прусские кирасиры и т. д. На следующий день в Летнем саду накрыли столы с угощением. Вновь, почти так же, как ровно двадцать лет назад в Берлине на Унтер-ден-Линден, сидели за ними вперемешку русские и пруссаки, вспоминая славные годы боевого братства. Императрица Александра Федоровна лично разливала щи, а император поднял тост за своего тестя и прусскую армию и беседовал со своими и союзными солдатами и офицерами. После этого гости провели в Санкт-Петербурге еще более двух недель и были награждены российскими орденами и медалями и памятными подарками.

Участие пруссаков в церемонии в Санкт-Петербурге было символическим, и это не случайно. В Берлине с осторожностью воспринимали чрезмерную воинственность российского импе-

ратора. Фридрих-Вильгельм III не имел желания ни воевать, ни демонстрировать военную силу. В 1833 г. русским и австрийцам пришлось приложить большие усилия, чтобы Пруссия подписала выработанную в Мюнхенгреце конвенцию о праве вмешательства союзных держав в случае, если Франция поддержит революционные выступления где-либо в Европе.

Поэтому неудивительно, что летом 1835 г. в больших совместных маневрах при городе Калиш со стороны королевства приняли участие почти вдвадцать раз меньше людей, чем со стороны России. Маневры стали ярким и вместе с тем последним значительным проявлением русско-прусской военной дружбы, столь вдохновлявшей Николая I. Маневры состоялись на российской территории – в царстве Польском, близ русско-прусской границы. Не только очередная круглая дата – двадцатилетие завершения войн против Наполеона – послужила их причиной. Неспокойная обстановка в Европе потребовала новой демонстрации силы русско-пруссского союза. Место для маневров было выбрано с глубоким смыслом. Именно в Калише в 1813 г. две страны подписали союзный договор против Наполеона.

В России калишские маневры получили название «Обновление союза с Пруссией». В них приняли участие более 58 тысяч человек: 55 тысяч русских и всего три тысячи прусских военных¹¹. Чтобы подчеркнуть идею военного братства двух стран, среди частей, привлеченных к маневрам, присутствовали полки, чьими шефами являлись представители правящих династий¹². Маневрам предшествовал большой праздник, общий смотр армии обоими монархами, а также парад, продолжавшийся три с половиной часа. В завершение многодневных совместных учений, в ходе которых объединенными войсками командовали как императорские, так и королевские генералы, был «взят штурмом» город Калиш. Свидетелями военного праздника стали представители правящих семей Австрии, Англии, Нидерландов, Дании, германских государств.

Воссоединению союзных войск посвящены памятники, картины, произведения прикладного искусства, медали¹³. Во время

маневров в Калише за счет русской казныозвели памятник Фридриху-Вильгельму III и русско-прусскоому союзу – высокий обелиск из чугуна. На боковых гранях его постамента, украшенного фигурами двуглавых орлов и гирляндами, поместили памятные надписи¹⁴. Они повествовали об истории альянса двух стран и вместе с тем предостерегали их «общих врагов» от попыток изменить статус-кво в Европе: армии собрались не только для того, чтобы, как пелось в сочиненной здесь же песне, «с друзьями повидаться»¹⁵.

Спустя несколько дней в Богемии произошла новая встреча союзных монархов. К прусскому королю и российскому императору присоединился император австрийский. Близ города Теплиц на поле Кульмской битвы состоялась церемония открытия памятника чинам русской гвардии, павшим в кровопролитном сражении. События двадцатилетней давности вновь послужили прекрасным поводом для союзных монархов продемонстрировать свое пусть не единство, но общее согласное мнение перед лицом новых обстоятельств.

С маневрами в Калише связана примечательная история обмена подарками, в которой произведения искусства выполняли функцию дипломатических даров. Прусский художник К. Рёхлин, много работавший по заказам русского двора, в двух идентичных картинах (1836) изобразил парад, завершивший маневры. Одна картина предназначалась прусскому королю, вторая – российскому императору¹⁶. Г. Шварц запечатлел церковный ход в Калише (после 1835, ГМЗ «Павловск»). Картины Рёхлина и Шварца Фридрих-Вильгельм III отправил Николаю I. В 1838–1839 гг. на Императорском фарфоровом заводе в Санкт-Петербурге эти изображения были воспроизведены на огромных вазах, которые в качестве ответного подарка прибыли в Берлин¹⁷.

После Калиша совместных военных мероприятий схожего масштаба и торжественного характера уже не было. Русские и пруссаки обменивались приглашениями на маневры¹⁸, представители союзных армий наносили визиты в столицы, приуроченные к военным юбилеям. В 1840 г. русские прибыли в Берлин, чтобы поздравить прусских кавалергардов со столетием полка. В 1842-м

исполнилось 25 лет пребывания российского императора шефом 6-го Бранденбургского кирасирского полка, и депутация прусских кирасир посетила Санкт-Петербург.

В 1840-х гг. отношения России и Пруссии были весьма непростыми. Противоречия стали накапливаться еще в последний период жизни старого короля (он скончался в 1840-м) и существенно усилились при его сыне, Фридрихе-Вильгельме IV. Многие его действия в области внешней и внутренней политики вызывали открытое неодобрение Николая I, а это в свою очередь в штыки воспринималось в Берлине. Полки использовались теперь не для совместных парадов, а по прямому назначению: силой утверждать решения своих государей. В 1849 г. появление русских военных кораблей остановило продвижение прусских войск в Ютландии в ходе прусско-датской войны. Петербург грозил Берлину разрывом отношений. Давление России на Пруссию усилилось, когда император занял проавстрийскую позицию в дискуссии о главенстве в Германском союзе, заявив, что не потерпит исключения Австрии из этого процесса. Известны слова Николая о том, что если между Пруссией и Австрией случится война, то он без промедления появится на поле боя и во главе своей армии встанет между противоборствующими державами. Под давлением могущественного соседа Пруссия на конференции в Ольмюце (1850) отказалась от своих претензий. Это вызвало в королевстве всплеск негодования по отношению к России: иначе как капитуляцией такое решение не называли.

В 1850–1851 гг. состоялось внешнее примирение государств. Последовали визиты прусского короля с семьей в Варшаву и Николая I с императрицей в Берлин. Вскоре, однако, началась Крымская война. Пруссия, как, впрочем, и Австрия, заняла нейтральную позицию, но нейтралитет недавних союзников был не таким, на какой рассчитывала Россия. Кроме того, Вена и Берлин заключили соглашение, в котором предусматривалась возможность начала совместных боевых действий против Петербурга. Незадолго до начала войны произошел случай, который красноречиво свидетельствует о состоянии некогда столь прочных отношений между

странами. Узнав о том, что в Пруссии готовится план мобилизации войск, а крепости близ границы с Россией приведены в оборонительное положение, Николай I высказал прусскому военному агенту в Санкт-Петербурге, что полагает это изменой. Император пригрозил, что сам прекратит и запретит всем в империи носить прусские награды, а членов королевской семьи лишит шефства над русскими полками и исключит из состава русской армии. Эти слова, но более всего начавшаяся вскоре война завершили яркую главу в истории русско-прусской «военной дружбы». В первые пятнадцать лет царствования Николая I она по-настоящему существовала, хоть и была в большей степени красивой идеей, воспоминанием, чем прочной реальностью, императорской «заветной мечтой». Ее время прошло, и она угасла, но оставила значительный след, в том числе в русском искусстве того времени.

Возвращаясь к прусским влияниям в русских военно-мемориальных проектах, отметим, что наиболее сильно они проявились в 1830-х гг. – то есть именно тогда, когда и были созданы крупнейшие отечественные военные памятники эпохи Николая I. Приведем несколько наиболее ярких примеров. Одним из них является проект общенационального храма-памятника, посвященного победе над Наполеоном. Такой храм должен был наглядно воплотить идею помощи Всевышнего в борьбе с могущественнейшим земным врагом. Вторая, не менее важная идея заключалась в том, что такая борьба объединила весь народ перед лицом национальной катастрофы. И для России, и для Пруссии обе идеи были чрезвычайно актуальными.

В обеих странах предложения создать такой храм возникли непосредственно в эпоху борьбы с Наполеоном. В России эта идея зародилась, как известно, до окончательного изгнания неприятеля из пределов страны и спустя несколько десятилетий получила воплощение в храме Христа Спасителя в Москве. В Пруссии такого храма не возникло, хотя необходимость его создания подчеркивали немецкие мыслители, в том числе Э.-М. Арндт в 1814 г. Тогда же К. Сивекинг заявлял о необходимости построить на поле битвы при Лейпциге «Немецкий собор», который будет «церковью для всех немцев» [13, S. 21]. В 1814–1815 гг. архитектор К.-Ф. Шинкель

создал рисунок колоссального храма, посвященного освобождению Пруссии от французов [13, с. 22]. Этот храм предполагалось построить на Лейпцигской площади. В своих записях Шинкель именовал его «национальным памятником».

Чрезвычайно важно то, что и в России, и в Германии общегосударственному значению храма должен был соответствовать его архитектурный стиль. Это русский стиль, в котором возвел московский храм К. А. Тон, и стиль готический, получивший национальную трактовку в проекте Шинкеля (гармонично дополнившего его ренессансными куполами). Это обстоятельство отмечала Е. И. Кириченко: «Национальные храмы-памятники, немецкие и русские, апеллируют к иным по сравнению с национальным Пантеоном источникам – к средневековым» [4, с. 230].

Облик Санкт-Петербурга 1830-х – 1840-х гг. определили несколько знаковых памятников военно-мемориального характера, родственных памятникам в Берлине. Нужно сказать, что к этому времени прусскую столицу уже украшали военные монументы, которых было немало. Наиболее ранние из них созданы в последней трети XVIII столетия. В центре города, на площади Вильгельмплац, ныне не существующей, располагался скульптурный ансамбль [10, S. 166], посвященный полководцам Семилетней войны. Примечательно, что конный памятник самому Фридриху II в Берлине был установлен значительно позже – в середине XIX в.¹⁹

Главный столичный памятник, в характере которого доминирует идея воинской славы, – знаменитая квадрига Бранденбургских ворот. В судьбе этого творения И.-Г. Шадова нашел отражение дух эпохи: для Пруссии – времени катастрофы и победы. По распоряжению Наполеона, занявшего прусскую столицу, квадрига в 1806 г. была демонтирована и вывезена в качестве трофея в Париж. После ее возвращения в 1814 г. Шинкель изменил характер фигуры в колеснице, создав выразительный образ богини Победы. Вместо трофея, украшенного лавровым венком, она получила копье, которое венчает заключенное в венок из дубовых веток изображение прусского ордена Железного креста²⁰ и одноглавый прусский орел под короной²¹.

Возле королевского дворца в 1816–1818 гг. по проекту Шинкеля возведено здание Новой вахты. Оно служило местом размещения караула по охране дворца и вместе с тем было памятником прусским военным, павшим в борьбе с Наполеоном. По обе стороны от него в 1822 г. установили мраморные фигуры генералов Г. Шарнхорста и Ф.-В. Бюлова работы Х.-Д. Рауха. Он же был автором памятника фельдмаршалу Г.-Л. Блюхеру, который занял свое место в сквере напротив Новой вахты в 1826 г.²²

Наиболее значительный монумент, посвященный Освободительной войне, установлен за пределами городских стен Берлина, на холме Темпельхоф²³ (1818–1821). Он является главным среди серии монументов в память об Освободительной войне. Идею об их создании высказал в 1815 г. Фридрих-Вильгельм III. Автор памятников, Шинкель, писал: «После победоносных лет 1813, 1814, 1815 король постановил создать на полях сражений памятники в средневековом стиле и выполнить их из железа; после того, как они будут установлены, в столице королевства надлежало создать монумент в том же стиле, и в нем были бы запечатлены события каждого знаменательного года» [11, S. 142]. Изначально Шинкель предполагал установить триумфальную колонну, но затем было решено возвести монумент в готическом стиле: табернакль на основании в форме креста. Выбор был обусловлен тем, что, «в противоположность черте характера романских народов – прославлять самих себя, подлинное немецкое чувство (которое с неизменной силой до наших дней сохраняется в правящем доме Гогенцоллернов) заключается в том, чтобы не приписывать победы на поле брани собственным силам, а возблагодарить за это Господа» [11, S. 144]. Памятник венчало изображение знака ордена Железного креста, и с этого времени холм получил новое название: Кройцберг («Гора креста»).

Общенациональный характер памятника определило его архитектурное решение и посвятительная надпись: «Король – народу, который по его зову благородно принес в жертву отечеству свое имущество и кровь. В память о павших, в знак признательности живущим, для подражания грядущим поколениям». Важную роль играет скульптурное убранство. Монумент украшают двенадцать

фигур крылатых гениев. Они символизируют события войны, о которых напоминают надписи на постаментах. В образах гениев запечатлены Фридрих-Вильгельм III, члены дома Гогенцоллернов²⁴ и прославленные прусские военачальники²⁵. Статуи создали берлинские скульпторы-классицисты Х.-Д. Раух, Л.-В. Вихман и Х.-Ф. Тик. Несмотря на то что в памятнике на Кройцберге отсутствует стилевое единство архитектуры и скульптуры, он нисколько не утрачивает внутренней цельности и художественной выразительности и представляет оригинальное объединение двух, казалось бы, взаимоисключающих стилей – готики и классицизма.

Памятники «второго класса», посвященные Освободительной войне, также выполнены в форме табернакля, но они меньше и не имеют скульптурного убранства. Они установлены на полях семи сражений: при Гросгёршене, Ханau, Кацбахе, Гросберене, Кульме, Денневице и Ватерлоо. Каждый памятник украшала посвятительная надпись: «Король и отчество с благодарностью чествуют павших героев. Они покоятся с миром». Под нею указывались место и дата битвы.

Среди архитектурных сооружений, которые стали важными акцентами в застройке Берлина того времени, следует упомянуть колонну Мира на бывшей площади Бель-Альянс (ныне Мерингплац, 1843). Ее венчает изображение Виктории с пальмовой ветвью и венком в руках работы Рауха. Эта скульптура представляет собой увеличенное воспроизведение одной из крылатых богинь, установленных на колоннах в парке Шарлоттенбург.

Как можно видеть, наиболее значительные прусские военные памятники созданы в ту пору, когда отношения Берлина и Санкт-Петербурга переживали расцвет, или существовали к тому времени. Можно ли усомниться в том, что они произвели неизгладимое впечатление на великого князя Николая Павловича? Пройдет немного времени, и Петербург получит богатое «военное» художественное убранство, воплотившее тему русской воинской славы и во многом схожее с берлинским. В этой схожести, думается, определенно проявилось желание императора подчеркнуть идею русско-prusской военной дружбы, которой он придавал столь важное значение

и которой он искренне гордился. В этом, однако, он проявился как человек «часто не с русскими мыслями и вкусами», как много лет спустя справедливо скажет Н. Н. Врангель [1, с. 7].

Приведем несколько примеров. Колесница Славы на арке здания Главного штаба имеет много общего с колесницей Бранденбургских ворот. Силуэт санкт-петербургского монумента в целом интереснее, богаче, но различие в числе лошадей (шесть в Петербурге, четыре в Берлине) и в наличии второстепенных фигур не играет определяющей роли. Принципиально важна трактовка главной фигуры Славы или Победы с лабарумом, увенчанным национальным символом. Произведения И.-Г. Шадова (с дополнением К.-Ф. Шинкеля) и С. С. Пименова и В. И. Демут-Малиновского являются великолепными образцами монументальной пластики классицизма. Два знаменитых творения В. П. Стасова – Московские триумфальные ворота и более скромные ворота «Любезным моим сослуживцам» в Царском Селе напоминают Бранденбургские ворота.

Облик Дворцовой площади немыслим без Александровской колонны. Говоря об этом выдающемся творении Монферрана, нельзя не вспомнить о малоизвестном, но исключительно важном документе частного характера. Это письмо прусского кронпринца Фридриха-Вильгельма сестре, российской императрице Александре Федоровне от 12 января 1826 г. Речь в нем шла об увековечении памяти Александра I. Кронпринц предлагал три варианта: установить триумфальную колонну на Дворцовой площади, возвести колоссальную статую сидящего на троне царя на стрелке Васильевского острова между Ростральными колоннами, либо выстроить храм, подобный античному, на Марсовом поле. Образцом для памятника перед Зимним дворцом, по мнению Фридриха-Вильгельма, должна была послужить колонна Траяна, которую надлежало превзойти по высоте ввиду огромных размеров площади. Три года отделяют письмо от начала работы Монферрана над проектом монумента Александру. Но указание, данное Николаем I придворному архитектору, – возвести вместо предложенного изначально обелиска колонну Траяновой – служит свидетельством

по крайней мере схожести размышлений императора и его шурина. Важен и еще один момент. Предлагая вариант памятника на Марсовом поле, Фридрих-Вильгельм явно ориентировался на неосуществленный проект грандиозного монумента Фридриху II в Берлине, составленный в 1796 г. архитектором Ф. Жили.

Говоря о других петербургских памятниках-колоннах, нельзя не обратить внимание на принципиальную схожесть тех двух, что украсили Конногвардейский бульвар, и колонны на площади Бель-Альянс. Берлинский монумент был открыт всего на два года раньше, его украшает также статуя Виктории работы Х.-Д. Рауха. Много позже созданный им образ богини послужил примером для скульптора П. И. Шварца – создателя гения Славы на колонне перед храмом лейб-гвардии Измайловского полка (1886). Сама же эта колонна, украшенная трофеями турецкими пушками, имеет схожее решение с колонной Победы в Берлине (1864–1873)²⁶.

В некоторых случаях отечественные художники получали четкие монаршие указания ориентироваться на берлинские образцы. Это относится, в частности, к памятникам М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю-де-Толли перед Казанским собором. Образцом для них послужили статуи прусских полководцев работы все того же Рауха. В 1822 г. император Александр I поручил скульптору Э. Лаунице изваять статуи российских полководцев «по примеру немецких памятников» (в то время из названных монументов в Берлине были готовы только памятники Бюлову и Шарнхорсту). Работа Лауница не удовлетворила императора, и создание памятников было отложено. К проекту вернулись спустя несколько лет. В 1827 г. был объявлен новый конкурс. При создании монументов надлежало придерживаться форм, «данных статуе фельдмаршала Блюхера в Берлине, которой бронзовая модель находится в Эрмитаже» [9, с. 38]. Ведущие российские скульпторы отказались от участия – требование ориентироваться на прусские памятники они восприняли без энтузиазма. Победителем конкурса стал Б. И. Орловский. Мастеру удалось создать оригинальные и выразительные образы и притом не нарушить условий программы. Особенно заметна схожесть монументов Блюхеру и Кутузову, в которых современный облик – эполеты, аксельбанты,

мундир – дополняет длинный плащ, похожий на античное одеяние, который драпирует большую часть фигуры полководца, придавая образу возвышенные черты.

Очевидна близость прусских и русских проектов военных памятников, предусматривавших разделение на нескольких классов. Монументы, спроектированные А. Адамини для Бородинского поля и других памятных мест Отечественной войны 1812 г., по сути аналогичны проекту К.-Ф. Шинкеля – памятнику на Кройцберге и на полях сражений в Пруссии. Как в Пруссии, так и в России принципиальное значение имело создание монументов в формах национальной архитектуры, схожей была и их главная идея – благодарения Господа за одержанные победы. Прусский проект был воплощен в 1817 (памятники второго класса) и 1818–1821 гг. (главный монумент). В России идея была реализована позже – проект утвержден в 1835 г., а первые монументы воздвигнуты к 25-летию вступления союзных войск в Париж. Заимствовав идею таких памятников в Пруссии, российский император воплотил ее шире – и по смыслу, и с точки зрения географии установки монументов, распространив ее впоследствии на территорию усмиренной Польши. Содержательная и внешняя схожесть русских и прусских военных памятников служит одним из ярких примеров культурных связей между странами в николаевскую эпоху.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С унаследовавшим прусский трон Фридрихом-Вильгельмом IV у Николая I возникли существенные противоречия, главным образом в связи с либеральными настроениями прусского короля, которые могли нарушить *status quo* в Европе.

² Так, принц Евгений Вюртембергский командовал прусскими войсками под Лютценом после того, как получил ранение Г.-Л. Блюхер; М. А. Милорадович руководил действиями русской и прусской гвардии в Битве народов при Лейпциге; М. Б. Барклай-де-Толли в 1813–1814 гг. – объединенными русско-прусскими войсками в Богемской армии Шварценberга.

³ Вскоре после этого нумерация полков изменилась, и полк получил 6-й порядковый номер.

⁴ В 1821 г. во время парада по случаю открытия памятника на Кройцберге, посвященного победе над Наполеоном, великий князь командовал своими кирасирами. На еще одной картине Крюгера Николай Павлович изображен во

главе полка во время парада на Опернплац в Берлине (1824–1830, Берлин, Национальная галерея).

⁵ Еще до того, как Франц I и Фридрих-Вильгельм III стали шефами полков, обычай шефства в русской армии уже некоторое время существовал. Первые шефы появились в годы правления императора Павла I. 1 сентября 1814 г. должность шефа была отменена – и тут же возобновлена для австрийского императора и прусского короля.

⁶ Кексгольмский был образован Петром I в 1710 г., а Санкт-Петербургский – вскоре после смерти первого российского императора, в 1726 г.

⁷ С этого времени grenадеры стали носить почетное имя своего шефа – «александринцы». После смерти императора его имя было присвоено полку навечно, а его полковой мундир, присланный из России Николаем I, хранился в гарнизонной церкви в Потсдаме. В австрийской армии царь стал шефом пехотного Гиллерова полка, который с тех пор также получил его имя – пехотный императора российского Александра I полк № 2.

⁸ Юбилеи шефства широко отмечались, в связи с этим чеканились памятные медали. Для своего полка король Фридрих-Вильгельм III сочинил марш, который был торжественно вручен в марте 1835 г. Со временем почетного звания шефов русских полков удостоились еще несколько немецких принцев. Накануне Первой мировой войны германский император Вильгельм II был шефом лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка и двух армейских частей – Выборгского пехотного и Нарвского гусарского полков. Кроме того, он был адмиралом российского флота. Его супруга императрица Августа в 1910 г. стала шефом Гродненского гусарского полка.

⁹ Спустя год исполнилось 25 лет шефства короля Фридриха-Вильгельма III над Перновским grenадерским полком, и прусский правитель повелел отчеканить аналогичные медали. В дальнейшем создавались аналогичные памятные медали. В 1879 г. была отчеканена медаль в память 50-летия шефства Александра II над 3-м Прусским уланским полком. В 1889 г. был отчеканен жетон в память 75-летия шефства императора Александра I в Прусском гвардейском grenадерском полку.

¹⁰ «В состав депутатии каждый пехотный полк отрядил по три человека, кавалерийский полк по два, егерские и стрелковые батальоны по одному, гвардейская артиллерия три, гвардейскаяunter-офицерская рота два, гвардейская резервная жандармерия одного, состоящие при 1-м Гвардейском пехотном полку русские песенники два и 6-й Кирасирский полк два человека» [8, с. 340].

¹¹ Русских войск было: пехоты – 57½ батальона, кавалерии – 54 эскадрона, орудий – 128. Со стороны Пруссии участвовали: пехоты – 3½ батальона, кавалерии – 13½ эскадрона, орудий – 8.

¹² Российские Гренадерский его величества короля прусского полк, Перновский grenадерский кронпринца прусского полк, а также полки, в которых шефами были принцы Вильгельм и Карл – Калужский и Либавский пехотные.

Пруссии представляли Бранденбургские кирасиры и Гренадерский императора Александра I полк.

¹³ В память о маневрах была отчеканена серебряная медаль. Ее украсил парный портрет обоих правителей и изображения русского и прусского воинов со знаменами на фоне лагеря.

¹⁴ На лицевой грани было начертано: «Верному другу и союзнику императоров российских Александра I и Николая I, Фридриху-Вильгельму, королю прусскому». Две надписи запечатлели историю русско-прусской военной дружбы: «25 марта 1813 г. государь император Александр I заключил союз в Калише с Фридрихом-Вильгельмом III, королем прусским для освобождения Европы», «31 августа 1835 г. соединились вновь российские и прусские ратники в Калише после 20-летнего мира, утвержденного их победами, в присутствии Николая I, императора всероссийского, и Фридриха-Вильгельма III, короля прусского» и, наконец, последняя гласила: «Всемогущий! Благослови союз и дружбу России с Прусией, для мира и благоденствия обеих держав, к страху их общих врагов» [7, с. 365].

¹⁵ Слова из известной песни «Русский царь собрал дружину...», написанной трубачом лейб-гвардии Егерского полка Малышевым во время маневров под Калишем.

¹⁶ Местонахождение русской работы неизвестно, прусская хранится в Собрании прусских дворцов и парков Берлина–Бранденбурга.

¹⁷ Ныне их можно видеть во дворце в Шарлоттенбурге.

¹⁸ В октябре 1837 г. немецкие принцы прибыли на кавалерийские учения в Воскресенск, в следующем мае Николай I с женой и двумя дочерьми присутствовал на маневрах берлинского гарнизона и т. д.

¹⁹ Известно, что король ответил отказом на предложение об установке монумента в его честь, последовавшее в 1779 г. от столичного губернатора генерала Мёллендорфа. Фридрих II сослался на то, что «по принятому обычаю живому полководцу памятники не возводятся» [12, S. 46].

²⁰ Шинкель был автором эскиза знака ордена Железного креста, выполненного с собственноручного рисунка Фридриха-Вильгельма III. Как известно, король учредил этот орден для награждения за военные заслуги в 1813 г.

²¹ Идея военного торжества оказалась воплощенной настолько мощно, что вскоре после окончания Второй мировой войны орел и крест были удалены с квадриги как символы прусского милитаризма и возвращены только после объединения Германии.

²² Шинкель был автором еще одного важного комплексного проекта, посвященного Освободительной войне: скульптурному оформлению Замкового моста.

²³ Памятник на Кройцберге был изготовлен из железа на королевском железноделательном предприятии – в Пруссии техника бронзового литья по восковым моделям не использовалась довольно долгое время.

²⁴ Королева Луиза, принцесса Шарлотта – супруга Николая I Александра Федоровна, младший брат короля принц Вильгельм (дважды), будущие король Фридрих-Вильгельм IV и король и впоследствии Германский император Вильгельм I.

²⁵ Блюхер, Йорк фон Вартенбург и Бюлов.

²⁶ Этот монумент, некогда стоявший перед зданием рейхстага, венчает позолоченная крылатая фигура Боруссии работы Ф. Драке – ученика Рауха.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Врангель Н. Н. Иностранные XIX века в России // Старые годы. 1912. Июль–сентябрь.
2. Выскочеков Л. В. Император Николай I: человек и государь / Л. В. Выскочеков. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001.
3. Исакова Е. В. Храмы-памятники воинской доблести. М : Знание, 1991.
4. Кириченко Е. И. Запечатленная история России : [Монументы XVIII – нач. XX века] : в 2 т. М. : Жираф, 2001.
5. Мостовский М. Историческое описание храма во имя Христа Спасителя в Москве / М. Мостовский. М. : тип. С. Орлова, 1883.
6. Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб. : Изд-во «Пушкинского фонда», 2008.
7. Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи: каталог / К. Г. Сокол. М. : Вагриус Плюс, 2006.
8. Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. СПб. : Типография И. И. Скороходова, 1889.
9. Шурыгин Я. И. Борис Иванович Орловский : [Скульптор]. 1792–1837. Л. ; М. : Искусство, 1962.
10. Arndt K. Denkmaltopographie als Programm und Politik. Skizze einer Forschungsaufgabe // Kunstverwaltung, Bau- und Denkmal-Politik im Kaiserreich. Hrsg. von E. Mai und S. Waetzold. Berlin, 1981. S. 165–190.
11. Bloch P. Das Kreuzberg-Denkmal und die patriotische Kunst // Jahrbuch preussischer Kulturbesitz. 1974. Bd. XI. S. 142–159.
12. Bloch P. Denkmäler in Berlin. Rehabilitierung und Restaurierung // Jahrbuch Preussischer Kulturbesitz. 1976. Bd. XIII. S. 45–70.
13. Hansen W. Nationaldenkmäler und Nationalfeste im 19. Jahrhundert. Lüneberg, 1976.
14. Macht und Freundschaft. 1800–1860. Berlin–Sankt-Petersburg. Leipzig : Koehler & Amelang GmbH, 2008.